

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА»

Материалы IV Всероссийской научной конференции

27 мая 2009 года в Москве и 28-29 мая 2009 года в Белгороде состоялась IV Всероссийская научная конференция «Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала». Конференция была организована Институтом философии РАН, правительством Белгородской области, Белгородским государственным университетом и Белгородским университетом потребительской кооперации. В этой рубрике мы публикуем статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике «Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. 4-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 27-29 мая 2009 г.» – М.: ИФ РАН, 2010.

УДК 101.1:316.008

СОЦИАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ Н.Н. СТРАХОВА (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

П. А. ОЛЬХОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Olkhov@bsu.edu.ru

Статья посвящена ценностным стратегиям социального понимания Н.Н. Стрхова (1828-1896), одного из наиболее основательных русских мыслителей XIX столетия. Возможность эффективной реконструкции социальной аксиологии Н.Н. Стрхова определяется её историчными центонами – практическим тождеством свободомыслия и самоумаления, которое усматривается в высказываниях Н.Н. Стрхова, ориентированных на социального другого. «Заслуженными собеседниками» (по слову кн. А.А. Ухтомского) становились для него Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, А.А. Фет Н.Я. Данилевский и др. В разговорах с ними или о них даёт себя знать практико-ориентированная социальная аксиология русского мыслителя.

Ключевые слова: социальная аксиология, свободомыслие, самоумаление, историчность, социальный другой.

*Я вовсе не умею выкидывать знамена...
Н.Н. Стрхов*

Социальные исследования в России начала XXI в. осложнены утратой теоретической преемственности, своего рода экзистенциальными разрывами теоретической памяти

ти о русской социальной мысли прошлых столетий. Не располагая теперь никаким предварительным познавательным согласием относительно социальных событий, которые происходят или, возможно, будут происходить в современной России, мы не можем пренебречь надеждой на историчное, «молитвенное» обновление начал нашего социально-теоретического опыта¹.

В обстановке социально-теоретического ресентимента плодотворным, пожалуй, будет обратиться к схожим временам, – середине XIX в., особенно выделяя при этом 60-70-е годы. Участники тогдашних разговоров о России были мало склонны к «перегородочным», абстрактно-систематическим стратегиям опознания российской социальной реальности; между тем, повсюду различным образом давали себя знать ценностные ориентиры социального понимания. С особой тщательностью стремился соблюдать их Н.Н. Страхов (1828-1896), один из самых признанных и желанных русских мыслителей-собеседников тех времен². Эти ориентиры предстают у него в некотором практическом, *центонном тождестве свободомыслия и самоумаления* – в решимости высказываться, прежде всего признав и осмыслив предрассудки социального понимания, свойственные его собеседнику³.

Перечитывает ли Н.Н. Страхов рассуждения Н.М. Карамзина о социальной истории, дискутирует с В.С. Соловьевым о доктрине социально-исторических типов Н.Я. Данилевского, исследует ли пушкинскую историю небывалого села Горохина, пишет о социальной совести, комментируя вольтеровского «Микромегаса» или «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта, – во всех случаях заметно его стремление сблизиться с иным социальным высказыванием с некоторой предельной точностью, освоить его, понять и принять то, о чем говорит собеседник, с микроаксиологической адекватностью, с точки зрения конкретно и индивидуально-практически понимаемой им «вечности». Концепт центона позволяет принять во внимание конкретность социальных рефлексий Н.Н. Страхова, ответный или «участный» (М.М. Бахтин) характер его социальной аксиологии, развившейся в эпоху радикальной искренности – вплоть до искренности «отвратительной»⁴.

Центонное, происходящее в разговорах о российском обществе самоумаление Н.Н. Страхова исторично соответствует как европейско-русской обстановке социальных потрясений и социального энтузиазма *laissez faire* (вплоть до руинизации этико-

¹ Известная в движении истории европейской мысли платоновская реплика о молитве Сократа (в «Федре») обновляется в гегелевских рассуждениях и – задолго до европейского «нового мышления» XX в. – особенно принимается и подхватывается в истории русской философской мысли XIX столетия. У Н.Н. Страхова в работе «О задачах истории философии» общим эпитафием становится гегелевский афоризм: «Мышление – тоже молитва». Ср.: Бросова Н.З. Н.Н. Страхов как историк философии // *Credo new*. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/164/25/>. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Афоризмы / Работы разных лет. В 2 тт. Т. 2. М., 1973. С. 536 (афоризм 31).

² Хорошо известно о способности Н.Н. Страхова быть «всепонимающим философом» (Ап. Григорьев) – в его исследованиях научного знания, переводах академически популярных работ К. Фишера, И. Тэна и др. (см. напр.: Скатов Н.Н. Русский критик Николай Страхов / Соч. в 4-х т. Т. IV. СПб., 2001. С. 275-320. Ильин (Мальчевский) Н.П. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 5-62 и др). Сам Н.Н. Страхов относился к этой своей герменевтической способности весьма щепетильно, определяя ее как «*жгучий интерес взаимного ауканья*» в социальном, прежде всего, смысле. – Переписка Л. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914. С. 305. Ср.: Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. – Белгород: изд-во БелГУ, 2007. Климова С.М. Историко-культурно-экзистенциальный диалог Н.Н. Страхова с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским // Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Антонов Е.А. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. – С. 59-67.

³ О познавательном ресурсе концепта центона см. напр.: Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984. С. 281 и др. Его же. Риторика как подход к обобщению действительности / Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158 и др. Ср.: Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 55-75 и др.

⁴ Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231-242 (здесь и ниже цитирую электронную копию, любезно присланную мне В.А. Фатеевым). П.И. Вейнберг, автор знаменитого «Титулярного советника» (1859 г.), в «Веселой песенке» 1862 г. называет эту эпоху временем «великой русской гласности». См.: Вейнберг П.И. Стихотворения // Поэты «Искры». В 2 тт. Т. 2. Изд-е 3. Л., 1987. № 380.

социальных иерархий и «нравственной первобытности»⁵), так и процессам всестороннего обновления русской интеллектуальной культуры, которые происходили в ту пору. Почти все стало возможно помыслить в тогдашней России, и не было ничего труднее, нежели помыслить хоть что-то теоретически осмыслительно и ответственно: совсем недавно, только в первых годах XIX в. приумножились российские университеты; еще в 1825-м году Россия, не зная, по слову А.С. Пушкина, своего философского, «метафизического» языка, но уже в 1849-м году успела побывать под запретом университетская философия... Отечественные интеллектуалы жадно читали европейских современников, многим из которых уже был внятн мифистический провокативный скепсис насчет открытия чего бы то ни было нового в истории мысли⁶, и озадачены они были ничуть не менее насчет того, что возможно еще сказать на том языке социально-теоретической определенности и концептуальных надежд, который европейцами уже был поставлен под вопрос, а в России был все еще неразработан и ненадежен.

«В наше время... доверчивые люди преспокойно набивают себя всяческими обрывками слов и мыслей, носящихся вокруг них; этот хаос удовлетворяет их, насыщает, заглушает в них потребность ясного и точного понимания...»⁷

Уже в самом начале 1860-х годов можно обнаружить примеры центонного самоумаления Н.Н. Стрхова как социального мыслителя-публициста, часто подписывавшего свои статьи-выступления псевдонимами «Н. Косица», «Н. Коси...», «Н. Кос...» – парафразами пушкинского псевдонима «Феофилакт Косичкин»⁸. Весьма характерна в истории стрховского самоумаления полемика, развернувшаяся между Стрховым-Косицей и А.Н. Пыпиным в начале 1870-х: теоретико-социальному усердию последнего, старающегося различить устаревшее прошлое карамзинской нравственной философии истории и настоящее философии исторического прогресса, тихий Н.Н. Стрхов противопоставляет иронию и предпочитает обсуждать все это различие с позиций мерных, обращаясь к неким конкретно-общим, этическим местам социального понимания, в которых невозможен такой абстрактный темпоральный энтузиазм:

⁵ Ф.И. Тютчев (со слов И.С. Аксакова) после посещения Франции в 1859 г. замечал, что «это нравственный строй, как бы возвращенный развратом к степени первобытности. Это уже почти состояние натуральности, как в публичных банях России...» (Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2007. С. 15). Тютчевская заметка 1873 г.: «Что меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи <...> Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком, – это все та же человеческая воля, возведенная в нечто абсолютное и державное, в закон верховный и безусловный» (Там же). Любопытно, что Э. Золя, известный своим вниманием ко всему натуральному, именно в эти годы приобрел популярность в России – раньше, чем во Франции: уже в 1865 г., когда Золя начал свою публичную литературную карьеру, его «Сказки Нинон» («Contes a Ninon») отмечены сочувственной рецензией в «Отечественных записках». В 1872 г. «Вестник Европы» публикует первые два тома его Ругон-Маккаров (кн. 7-8).

⁶ Опубликовано во втором акте второй части «Фауста», в 1832 году: «Ступай, чудак, про гений свой трубя! / Что б стало с важностью твоей бахвальской, / Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской, / Которой бы не знали до тебя» (пер. Б.Л. Пастернака, см.: Гете И.В. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. М., 1976. С. 257). Внимание русских мыслителей к Гете было вполне устойчивым, пристальным; В.Г. Белинский досадовал даже, что с Гете «шалют» переводчики, русифицируя как «великое и бессмертное» у него, так и разный гетевский «балласт и пустяки». – Белинский В.Г. Сочинения Гете. Выпуск I. Санкт-Петербург. В тип. Ильи Глазунова и Ко. 1842... / Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1979. История русских версий гетевского «Фауста» начинается в 1844 г. (переводы и переложения М.П. Вронского); история критического разбора переводов и переложений – в 1845-м (рецензии на переводы М.П. Вронского И.С. Тургенева).

⁷ Стрхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. 57-58. Материалы этой книги готовились Стрховым еще в 70-х: в №№ 41–42, 43 и 44 «Гражданина» за 1876 г. была напечатана большая статья Стрхова «Три письма о спиритизме», существенно определившая впоследствии содержание книжного издания. Ср.: Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Стрхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm

⁸ О внимании Н.Н. Стрхова уже к пушкинскому центонно-парафрастическому мастерству см. напр.: Стрхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 17-34 («Главное сокровище нашей литературы» (впервые опубликовано в «Отечественных записках» в 1867 г.)), 35-59 («Заметки о Пушкине» (впервые опубликовано в Санкт-Петербургском сборнике «Складчина», в 1874 г.)), в т.ч. главки «Нет нововведений», «Переимчивость», «Подражание», «Пародии», «Прямодушие») и др.

«Неохотно и не без некоторого смущения касаюсь я предметов этого рода. Далек от дел государственных, нередко я втайне благословляю свою смиренную долю, когда подумаю, в какое великое затруднение привели бы меня задачи, с коими другие обращаются легко, отважно, не задумываясь»⁹.

Нет ничего надуманного и в центонном страховском свободомыслии: его историчность – прежде всего в том, как Страхов учитывает конкретные этико-социальные, философские практики русского либерализма, от Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева или А.Н. Пыпина до М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.П. Буренина в его «фригийской шапке» социального интеллектуала-шута¹⁰.

«Мы все шутим, у нас все шутки! Статьи г. Пыпина, на мой взгляд, тоже чистейшие шутки. Даже целый "Вестник Европы" есть ничто иное, как огромная шутка, ежегодно издаваемая в двенадцати толстых томах, – шутка над русскою литературою, над русскою историею, над памятью Карамзина, имени которого посвящен сей журнал. Мы резвимся и играем – кто как умеет, кто во что горазд, кто в европейскую цивилизацию, кто в русскую народность! А жизнь и история между тем идут своим чередом, и ни цивилизация, ни народность нас знать не хочет»¹¹.

Центонное («пропушкинское», «прогегелевское» и т.д.) свободомыслие «тонкого» Н.Н. Страхова, которого «не подкупишь» (В.В. Розанов)¹², всегда ограничивалось усилиями по сохранению здравого смысла и нравственному самосбережению:

«Я люблю, милостивый государь, преимущественно хороший слог, логику и добродетель, и притом люблю их ради их самих, без всяких расчетов, безо всяких дальнейших соображений»¹³.

⁹ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб., 2006. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml. См. тж.: Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231-242. Страхов Н.Н. (Н. Косица). Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Март. С. 1012-1020 (архивные фрагменты, опубликованные и коротко комментированные И.П. Матченко, с обращением к страховской «Борьбе с Западом в нашей литературе»; цитирую электронную копию, любезно присланную мне В.А. Фатеевым) и др.

¹⁰ Д.Д. Минаев, известный переводчик, социальный поэт и «король рифмы», близкий некрасовскому кругу мыслителей, стал автором этой знаменитой строфы: «Песенник наш и плясун Монуменов, / Виктор Петрович известный, / В шапке фригийской канкан для студентов / Пляшет у нас он прелестно». – Мартынов П. К. Дела и люди века. СПб., 1893. Т. 1. С. 197, 226 (Вл. Монуменов – один из псевдонимов молодого Буренина). Сам В.П. Буренин (Монуменов), которого принято было считать «злым языком» (Н.И. Кроль) даже в среде тогдашней социальной публицистики, отличавшейся своей прямоотой, в «Драматических сценах по поводу выхода "Современника"» (1863 г.) пишет реплику от имени М.М. Достоевского: «Ну, да я сберуся с силой: / Купно с Федором отмщу / Иль Косицу напущу!». – Буренин В.П. Стихотворения // Поэты "Искры". В двух томах. Т. 2.: Д. Минаев, В. Богданов, Н. Курочкин, П. Вейнберг, Г. Жулев, В. Буренин, Н. Ломан, А. Сниткин. Изд. 3-е. Л., 1987. № 398-399. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/burenin_w_p/text_0040.shtml. Эта «фригийская», площадная острота очевидно не соответствует привычкам Н.Н. Страхова, «лестничного остряка», никогда не смеявшегося смехом вызывающим. Ср. напр. с высказыванием Н.Н. Страхова в письме к Л.Н. Толстому: «Что же я сделал? Я стал смеяться над ними, стал вступаться за логику, за историю, за философию. Шутки мои едва ли многим были понятны и только покрыли мое имя позором». – Переписка Л. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914. С. 447. См. тж. письмо Н.Н. Страхова В.В. Розанову от 27.01.1888: «Мне нужно обдумать вопрос...» – Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 7 и др.

¹¹ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.

¹² Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 42, 276.

¹³ Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902. С. 231-242. Замечателен тот пушкинский «свободный консерватизм» (П.П. Вяземский), который воссоздает в своих полемически-смеховых «Вздохах» Н.Н. Страхов: несогласие с оппонентом, «искренним своим», имеет здесь не абстрактно-критический, а конкретно-нравственный мотив, оно принципиально недогматично. Н.Н. Страхов несколько не торопится предъявлять аргументы к авторитету Н.М. Карамзина – Карамзина можно вспоминать, вполне смеясь, как это сделал уже Пушкин в «Летописи села Горохина». Надев маску Н. Косицы, Страхов защищает карамзинские труды от квазисоциальной подозрительности, социально-теоретического своенравия своего авторитетного современника. Ср. еще: Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 29-32.

«...точка зрения нравственная и художественная, то есть *вековечная* точка зрения, одна могла быть твердою опорой для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные»¹⁴.

Когда Н.П. Вагнер упрекает Н.Н. Страхова в стремлении к «перегородочной философии»¹⁵, сам Н.Н. Страхов находит это «живописным» и соглашается только в «предохранительно-дидактическом» (А.И. Введенский) смысле:

«По-моему, нет ничего хуже путаницы, когда человек не отдает себе отчет в том, что говорит и думает, когда он свободно носится по всяким ветрам...»

«...постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем»¹⁶.

Оставаясь «трезвым между угорелыми»¹⁷, основой своей философии социального ценного самопонимания Н.Н. Страхов делает историчный социальный кеносис – философское исповедничество в связи с положительно ценным у реального собеседника, отыскивает положительный минимум у социально конкретного второго лица, «всепонимает» только эту конкретную положительную данность своего социального другого. Из ситуации нашего социального понимания начала XXI столетия («нового нового времени», эпохи «трэсе-модерна»¹⁸ и т.д.), при изживании множественных экзистенциальных разрывов нашей исторической памяти Н.Н. Страхов видится поэтому актуальным собеседником – реалистичным мыслителем, чуждым утопической мечтательности, стремления «заштопать» разрывы, или начать мыслить с некоторого абстрактного *ab ovo*¹⁹. Кенотические практики Н.Н. Страхова являются практиками незавершенными; его философия известна как философия «недосказанная»²⁰. Но проблематически интересно исследовать именно эту теоретически неэксплицированную, социально-аксиологическую установку Н.Н. Страхова на второе лицо: эта фактически крепкая установка позволяла ему «утверждаться там, где стоишь», – не выпуская из виду *auto tó auto*, извечно беспокоящее нас наше социальное «самое само»²¹, забота о котором есть не столько непосредственная забота о себе, сколько практико-ориентированная, свободная «забота об Алкивиаде» – своем социальном другом²².

Список литературы

1. Бросова Н.З. Н.Н. Страхов как историк философии // *Credo new*. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/164/25/>.
2. Гегель Г.В.Ф. Афоризмы / Работы разных лет. В 2 тт. Т. 2. М., 1973.

¹⁴ Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина.

Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml.

¹⁵ Вагнер Н. Перегородочная философия (открытое письмо г. Страхову) // *Новое время*. 1883. № 2647. 13 июля. С. 2; № 2654. 20 июля. С. 2.

¹⁶ Страхов Н.Н. О вечных истинах. С. 57-58.

¹⁷ Грот, Н. Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания. М., 1896. С. 8.

¹⁸ Концепты В.Г. Федотовой.

¹⁹ «Заштопанный чулок лучше, чем разорванный»; не так с самосознанием». Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 546 (64 афоризм). Реализм Н.Н. Страхова, без сомнения, чужд тому, что называли «реализмом», вслед за Д.И. Писаревым, позитивистические настроенные современники последнего. Писаревский реализм концептуально односторонен, тяготеет к практическому делу, которое хорошо бы выполнить лучше других и как бы за других (школы, больницы и т.д.). Такого реализма не избежали многие из тех, кто был близок Н.Н. Страхову (известны, например, порывистые краткосрочные опыты по организации школьного дела у Л.Н. Толстого); сам же Страхов такого концептуального реализма сторонился, оставаясь, между тем, одним из самых продуктивных, несуетных и впрок трудившихся своих сверстников. Переоткрытие интеллектуального наследия Н.Н. Страхова, происходящее в последние годы, новая актуализация его философии науки, социальной эстетики и др., свидетельствуют, пожалуй, пока в пользу страховских ценностных ориентаций.

²⁰ Ср.: Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Страхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm

²¹ Платон. *Алкивиад I* / Собр. соч. в 4 т. Т. I. М., 1990. С. 256-259.

²² М. Фуко в «Герменевтике субъекта» сосредоточивается на анализе практик заботы о себе, тем самым интенсивно ограничивая смыслы «Алкивиада I»; обширные, вполне герменевтические штудии Н.Н. Страхова не позволяют безропотно согласиться с такой интенсификацией, вызывают воспоминания еще и о платоновском «Алкивиаде II».

3. Скатов Н.Н. Русский критик Николай Страхов / Соч. в 4-х т. Т. IV. СПб., 2001.
4. Ильин (Мальчевский) Н.П. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и е авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007.
5. Переписка Л. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914. С. 305.
6. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переход ной эпохи. – Белгород: изд-во БелГУ, 2007.
7. Климова С.М. Историко-культурно-экзистенциальный диалог Н.Н. Страхова Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским // Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию с дня рождения: Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Антонов Е.А. - Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008.
8. Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984.
9. Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности / Риторика и исто ки европейской литературной традиции. М., 1996.
10. Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы источникове дения летописных текстов. М., 2004.
11. Страхов Н.Н. (Н. Косица). Новый вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «За ри») / Критические статьи. Т. 2. Киев, 1902.
12. Вейнберг П.И. Стихотворения // Поэты «Искры». В 2 тт. Т. 2. Изд. 3-е. Л., 1987. Режи м доступа: http://az.lib.ru/b/burenin_w_p/text_0040.shtml.
13. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2007.
14. Гете И.В. Фауст / Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. М., 1976.
15. Белинский В.Г. Сочинения Гете / Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М., 1979.
16. Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Страхова (Статья 3). М., 1897. Режим доступа: www.hrono.ru/literatura.htm
17. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897.
18. Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина // Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст Л.А. Сагченко. СПб., 2006. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0030.shtml.
19. Страхов Н.Н. (Н. Косица). Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Март.
20. Мартыанов П. К. Дела и люди века. СПб., 1893
21. Буренин В.П. Стихотворения // Поэты "Искры". В двух томах. Т. 2.: Изд. 3-е. Л., 1987 Режим доступа: http://az.lib.ru/b/burenin_w_p/text_0040.shtml.
22. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001.
23. Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994.
24. Вагнер Н. Перегородочная философия (открытое письмо г. Страхову) // Новое время. 1883. № 2647. 13 июля. С. 2; № 2654. 20 июля.
25. Грот, Н. Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерца ния. М., 1896.
26. Платон. Алкивиад I / Собр. соч. в 4 т. Т. I. М., 1990.

AXIOLOGICAL PRESUPPOSITIONS IN SOCIAL UNDERSTANDING (HISTORICAL EXAMPLE BY NICOLAI N. STRAKHOV)

P. A. OLKHOV

Belgorod State University

e-mail: Olkhov@bsu.edu.ru

The article is devoted to the axiological presuppositions in social understanding, not metaphysical or metaphorical – rather moral and ‘answerable’ – which was realized in the XIX century by Nikolai Strakhov (1828-1896). The author of the article argues it was very practical or actual unity of free thought and free humility in that epoch of radical or ‘repugnant’ sincerity. Russian thinker practically used to be as a social other, mainly fending for his well-earned collocutors (Karamzin N.M., Poushkin A.S., Dostoevsky F.M., Tolstoy L.N., Fet A.A., Danilevski N.I., etc.). The Strakhov’s strategies of social understanding are not a bit archaic, most interested as practically engaged or dialogical in a statu nascendi – to recognize the social reality in Russia one and half century after.

Key words: Social axiology, free thought, free humility, historicity, social other.